

Не будем спорить, потому что ораторы уничтожают и эту последнюю возможность. Оказывается: «Напротив: этот разрушительный процесс, это полное истощение ресурсов страны отодвинуло ее назад по пути к средним въкам». Ну и завоевания, ничего сказать. Вь настолько тираны, единственная вь истории и при отсутствии идей — вь будущемъ возвращение къ среднимъ въкамъ. Но признать факта революции, учинившей подобные завоевания, разумеется, невозможно, ибо, увы, тираны, бездействие и ложение вьспять смысль даютъ себы знать. Но какъ признавать онъ права на подобные завоевания — остается такъ же мало понятныхъ, какъ непонятна и охота охранять таковы.

И чтобы никакого сомненія не оставалось вь томъ, что онъ о чомъ онъ не умолчалъ, Милковъ вь упоръставилъ вопросъ: «что же остается». Оказывается, кое-что дѣйствительно остается, а именно — «всемирная революція». Но сть европейской Лиги правъ человѣка, ведущей свое начало отъ французской революціи, вполнѣ достаточно этой послѣдней, и она для себя новыхъ революций нисколько не жаждетъ; нисколько не жаждетъ ихъ для мира и Милковъ, признающий и охраняющій ея истинную российскую достоинство, — ибо онъ смыслью хорошій европеецъ, чтобы пожелать Европѣ безпримѣрной тираніи, бездействіи, возврата къ среднимъ въкамъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и европеецъ зрячий и замѣчатель какъ-то странныхъ пополненій у Европѣ по отношенію къ завоеваніямъ российской революціи. «Россія слаба?» — такъ формулируетъ онъ эти пополненія — «такъ воспользовалась ея слабостью. Ея экономическое положеніе ужасно. Тѣмъ лучше... иностранецъ можетъ получить вь Россіи максимумъ договорныхъ обезпечений... какихъ нельзѣ было имѣть ни въ большей, ни въ раннѣй степени даже вь Турціи Абдулъ Хаміда».

Ну, вотъ мы и дошли. При Кромвелѣ вьнѣцыанцы не получали вь Англіи максимума договорныхъ обезпечений, и Робеспьеръ не сдѣлалъ Франціи объектомъ иностранного захвата. Аналогично и възьмѣсть представлять величайшую русскую революцію лишь сть Абдулъ Хамідовскимъ режимомъ. Да, ужъ какъ тутъ завоеванія, — великое паденіе, бѣдствіе, несчастье.

Такъ, выяснилось, и говорить вь концѣ своей рѣчи Милковъ, опровергая этическіе начальства, онъ призываютъ Лигу правъ человѣка не повторствовать интересами купцовъ, «которые хотятъ извлечь выгоду изъ несчастія великаго народа». Иль несчастье, которое, по характеристики данной Милковымъ, и исчерпываетъ завоеванія революціи.

Характеристика, данная Милковымъ, о состояніи Россіи вь результатѣ революціи, не вполнѣ ясна, но во вѣнцерезидентскихъ рѣчахъ и не требуется открывать Америки. Въ частности, на страницахъ «Руля» мы къ подобной картинѣ возвращались неоднократно, вызывая сердитые окрики вынѣканіемъ венцерезидента. Лицо.

Хорошо, что первые иностранцы Милковъ дѣлъ правильное изображеніе состоянія Россіи, не искаженное наизнѣкѣ идеей о завоеваніяхъ... И тѣмъ болѣе

странны, что онъ все же не воздержался провозгласить эту формулу, столь бездѣлочно противорѣчущую его же описанию.

«Мы признаемъ права революціи и мы решимся охранять ее завоеванія», — а именно: безпримѣрную тиранію, бездѣлочно возвращение къ среднимъ въкамъ, ферментированіе міровыхъ смутъ, ослабление страны, дѣлающее ее жертвой иностранныхъ пополненій на подобіе бывшой Абдулъ Хамідовской Турціи. Нечастная завоеванія, печальная права и печальная бѣдность ихъ охранять.

Откуда эта рѣшимость? Искать ли ее въ «посильномъ участіи» вь произведенный этой революціи? Въ привычкѣ къ недавно освященнымъ словамъ и формуламъ, не считавшейся сть условіями ея примѣненія. А между тѣмъ не мѣшило бы съ пѣ-которой критикой подойти къ подобной привычной словесности, именно на конгрессѣ Лиги правъ человѣка, ведущей свое происхожденіе отъ прошлой великой революціи въ всячески опасающейся будущей.

А то въ обществѣ французскихъ интеллигентовъ, стоять же чуткихъ къ логическому, какъ и къ смѣшному, должно было возвѣдти не малое недоумѣніе та-кої парадокса (да еще въ вице-президентской привѣтственной рѣчи, въ которой пародия строго воспрещена): признаніе послѣдней революціи «несчастіемъ великаго народа», и рѣшимость «охранять ее завоеванія».

Григорій Ландау.

ПРИНЦІПІАЛЬНИЙ ВОПРОСЪ.

Въ свое время у насъ уже сообщалось объ искѣ представляемомъ вь Парижъ рѣ-гистрѣ и/д фирмѣ Бр. Булатъ къ большевицкому товариществу Опторгъ. Напомнимъ, что Бр. Булатъ стало известно, что въ Марселе находятся вывезенные большевицами большая партия шиповъ остатковъ, принадлежащая уломанной фирмѣ. Собственникамъ удалось наложить арестъ на этотъ товаръ и дѣлъ переплюнуть судъ.

На дѣло это дѣло слушалъ въ память отблеска Сенского трибунала, при участіи представителя прокурорского на-зора. Къ дѣлу было представлено между прочимъ заключеніе президента совета министровъ Пуанкаре. Заключеніе это гласитъ, что французское правительство всегда держалось того положенія, что третья линія, которая имѣетъ притязанія на товары, вывозимые совсѣмъ правительствомъ и его агентами, въ правѣ во всякомъ положеніи обращаться въ суды для осуществленія своихъ правъ собственника. Декреты совсѣмъ правительства по признанію Франціи не могутъ слу-жить основаниемъ для изъятия изъ приведенного положенія.

Оѣтчикъ, товарищество Опторгъ, го-рячо оспаривало приведенное положеніе и старалось установить разницу между то-възданіемъ и национализирован-нымъ.

Сильное впечатлѣніе, какъ сообщаетъ намъ нашъ корреспондентъ, произвѣло заключеніе прокурора на судиторію, состоявшее изъ собравшихся въ залѣ большомъ числомъ французскихъ адвокатовъ и судебнѣхъ дѣятельей. Прокуроръ рѣшительно стоялъ на сторонѣ истцовъ. Указывалъ, что истцы вполнѣ доказали право собствен-ности

на спорный товаръ, на которомъ сохранились даже торговые марки фирмы (большевики неудачно пытались ихъ передѣлать въ свои марки). Прокуроръ доказывалъ, что власть большевиковъ, власть анархическая, что источникомъ ея является лишь насилие и что она противорѣчить основнымъ принципамъ общественной и государственной жизни цивилизованныхъ государствъ.

Не удивляйтесь, пишетъ корреспон-дентъ, что это письмо доставлено въ официальное лицо, коммунистъ, и не изъ послѣднихъ.

Объясняется это тѣмъ, что кое-кто изъ коммунистовъ «уже перепознаетъ на ста-рые общественные пути;

то ту услугу окажутъ, то другую, де-скать не чураясь, времена не преж-дѣя.

Населеніе уично сгравъ изъ газетъ 1919-18 годовъ, причемъ

одни говорятъ, что теперь лучше, все же дѣло къ концу идетъ, другие, напро-тивъ, заявляютъ, что тогда психологиче-ский конецъ былъ ближе, чѣмъ теп-перь, когда ровно такъ ничего въ вол-нахъ не видно, кромеъ нового голода и нищеты.

Шестая годовщина большевицкаго вла-дѣльчества отмѣчена была чрезвычайно печально.

Какъ я не далекъ отъ коммунизма, но въ прошлые годы меня захватывали эти колонны, флаги, транспаранты... Въ этомъ году даже жутко было... Ти-шиня, поникшая головы, сумрачная ли-ца... интернаціоналисты, точно похорон-ный маршъ.

Бодрое впечатлѣніе внушили лишь сол-даты. Корреспондентъ уѣзжаетъ, что чув-ствовалась

какая то связь между этой сумрачной толпой и арміей.

Отмѣтъ въ дѣлѣ «сверхъзѣстѣнное нахальство кореннастаго рыжаго Каменева», который осмѣялся принимать пароль, кор-респондентъ далѣе обращаетъ вниманіе на то, что

насъ очень интересуетъ дѣло Конради. Новѣль въ газетѣ лишь одинъ от-четь, въ которомъ побѣдителемъ вы-ставлены гражданскіе истинъ. Нашъ Сенъ Членовъ, да какъ то Дикеръ. Дѣйствительно побѣждаютъ?

Однако, самъ «Дінъ» этого интереса не удовлетворяетъ, такъ какъ своего мнѣнія не высказалъ. Вмѣсто этого газета соби-рается производить разсѣданіе, какимъ образомъ въ «Извѣстія» и «Наканунѣ» по-налику краденіемъ письма.

*

Оправдательный приговоръ для совѣт-ской власти, повидимому, явился совершен-

Печать.

но неожиданнымъ. Корреспондентъ «Из-вѣстія» старалась уѣзжать читателей, что настроеніе Лозанны противъ подсудимыхъ.

Никогда еще Лозанна не имѣла воз-можности ознакомиться съ благопріят-нымъ описаніемъ совсѣмъ другой Россіи, кое предстоитъ на процессъ. Что же касается болтовни съятельныхъ свѣти-телей и свидѣтельскихъ защитъ, то она представить мало интереса для прія-слянныхъ, которые узнаютъ въ ней па-реньги старой пѣсы.

Любопытно, что скажутъ теперь эти са-мые корреспонденты?

*

Характерное письмо живопрѣковаго ми-трополита Евдокима напечатано въ лаке-ской газетѣ. Не имѣя возможности бороть-ся въ вѣличіи патріарха Тихона, живо-прѣковый митрополитъ пытается, какъ ему и подобаетъ, быть рѣблемъ. Онъ сооб-щаетъ пастѣ, что

имъ уже заявлено о неотложной ис-ходности улучшить правовое и мате-риальное положеніе духовенства, по-очень важнымъ и чисто государствен-нымъ соображеніемъ.

Но къ великому прискорбию онъ дол-женъ заявить, подтверждая тѣмъ самъ полный провалъ живой церкви,

что духовенство слова сбилось съ пу-ти, пойдя открыто за государствен-ными преступниками, подлежащими суду.

При такихъ условіяхъ, говорить Евдо-кимъ — у него руки опускаются просить у власти лѣтеть.

Да и какъ власть можетъ дать эти лѣтоты тѣмъ, кто снова становится въ рядахъ ея враговъ.

Несомнѣнно, очевидно, что для самого Евдокима рѣбль имѣть рѣшающее значе-ніе, какъ и для всѣхъ смиренныхъ христіанъ. Но столь же ясно, что эта помысл останется не болѣе успѣшной, чѣмъ дѣйствіе дублемъ.

По поводу устроенного коммунистами въ рейхстагѣ скандала изъ за приступа полиціи въ зданіи рейхстага, «Vorwärts», между прочимъ, сообщаютъ, что

полиційскій чиновникъ, изъ за присутствія котораго въ рейхстагѣ коммунисты устроили скандалъ, былъ привлече-ніемъ арѣбѣніемъ, поголовью съветской республики къ парадному общцу въ пособство по случаю шестой годовщины, и сидѣлъ за одинимъ столомъ съ господами Кененомъ и Гелльгейномъ, причемъ присутствующіе коммунисты тогда за роскошьми прирѣщомъ нико-гда не были смущены такимъ со-дѣствіемъ.

Бесѣда съ А. Н. Хвостовымъ*).

І. В. Гассена.
въ февралѣ 1916 г.

Со временемъ войны въ Петербургѣ было образовано всероссийское общество редак-торовъ газетъ. Въ виду того, что воинская цензура странно свирѣпствовала, и также какъ вообще повременіе печать испытывала различные затрудненія, мыѣ, въ качествѣ предсѣдателя общества, постоянно приходилось обращаться къ министрамъ въ ходатайствами и жалобами.

26 февраля 1916 г. вмѣстѣ съ товари-щемъ предсѣдателя Общества М. А. Сувори-нимъ мы посыпали министру внутрен-нихъ дѣлъ А. Н. Хвостову по дѣлу объ измѣнѣніи вѣнѣканыхъ параграфовъ устава Общества.

Мы застали въ приемной вѣнѣкаными лицами, ожидающими министра, но минутъ черезъ пять, когда изъ кабинета вышелъ какой-то генераль, были приглашены къ А. Н. Хвостову — мы.

Уродливо томистъ, сть мицкимъ лицомъ и горячими глазами, А. Н. Хвостовъ принялъ насъ любезно и предупреди-тельно.

Рассказавъ министру въ двухъ словахъ, что со стороны Департамента Полиціи не встрѣчается препятствій къ удовлетворе-нию нашего ходатайства, обѣ измѣнѣнія устава, по чѣмъ оно задерживается въ Гла-

* Пользовалась избраннымъ разрешениемъ редак-торомъ Альфредомъ русской революціи, прописано мѣ-ньше чѣмъ пытавшаго XII-го года «Альфредомъ».

номъ Управлениі по дѣламъ печати, мы получили быстрый и рѣшительный отвѣтъ, что А. Н. Хвостовъ сегодня же скажетъ по телефону сенатору Судейкину о ском-рѣшайшемъ удовлетворительномъ отвѣтѣ.

— У насъ задерживающимъ центромъ можетъ быть только Департаментъ Полиціи, — привѣтилъ министръ. — Разъ съ его стороны вѣтъ препятствій, то со стороны Главнаго Управления вѣтъ никакихъ оснований задерживать Ваше ходатайство.

Такимъ образомъ, въ двѣ минуты, цѣльное посыпаніе было достигнуто. По-благодаривъ Хвостова и прощаясь съ нимъ, я спросилъ министра, что есть правды въ тѣхъ чудовищныхъ слухахъ, которые ходятъ по городу.

Какихъ слухахъ? — притворился Хво-стовъ, непонимающимъ.

— Если Вы не догадываетесь, какихъ, — то вѣтъ остается еще разъ поблагодарить Васъ и раскланяться.

Да вѣтъ, позвоните! Что Вы имѣете въ виду?

— Очевидно, мы говоримъ о Ржевскомъ и Распутинѣ.

Ахъ! вѣтъ о чѣмъ? Это Васъ инте-ресуетъ? Извольте! Я Вамъ расскажу.

И пригласивъ насъ сѣсть за круглый столъ, на которомъ лежало какое-то дѣло, министръ самъ усѣлся върхомъ на стулѣ и склонилъ голову, чтобы вѣтъ чудовищныхъ слухахъ, которые ходятъ по городу, были услышаны.

— Ржевского, — сказалъ онъ, — я уви-дила въ Новгородѣ, когда была тамъ въ Бернгардаторомъ; его направили ко мнѣ его хорошие знакомые съ просьбой оказать ему какую-то помощь. Нравы, мнѣ было и тогда уже извѣстно, что Ржевский судился

за ношение неприсвоенной формы. Ну, вѣдь это преступленіе не Богъ вѣтъ. Я рѣшилъ помочь голодному человѣку, я привѣтилъ его изъ издававшейся тогда «Барвѣчъ» газетѣ въ качестве сбирающихъ оби-зывовъ; но въ первый же день Ржевскому расстрѣтили три рубля и былъ прогнанъ.

После этого я потерялъ его изъ виду, но слышалъ, что онъ сталъ журналистомъ, весьма бойкимъ, что ему удалось про-никнуть въ келью Илліодора, когда тѣ бѣгали заложниками въ монастырѣ, и налегать въ газетахъ бесѣдѣ съ монахомъ. Мало того, что, конечно, помните знаменитую статью въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» — «Мы готовы», появившуюся вскорѣ позѣ вѣтъ и надѣльную столицѣ шуму. Эта статья тоже была написана Ржевскимъ, подъ диктовку Сухомилова, въ присутствіи каноника шпиона Марсѣлова. И вѣтъ, когда я былъ назначенъ министромъ, сообщили, что Ржевскому добиваются съмѣнды съ мой по какому-то дѣлу. На пріамѣ онъ мне сообщилъ, что можетъ оказаться русскому правительству большую услугу, убѣдивъ Илліодора отказатьсь отъ выпуска сочиненной имъ книги, компро-метирующей нашъ Дворъ, и особенно Насѣдника Насѣдникова.

Его предложение показалось мнѣ весьма пріемлемымъ, тѣмъ чѣмъ я имѣю вѣтъ. И вѣдь это сдѣлано впервые для Ржевскаго. Но такъ какъ я дѣйствовалъ въ глубокомъ сознаніи своей правоты, то мнѣ не приходило въ голову задумываться наль вѣдь Ржевскому валюты, хотя это закономъ и воспрещено. Ржевскому побѣжалъ въ Норвегію, но по дорогѣ, къ сожалѣнію, паспортъ дѣлалъ: какого-то жандарма обругалъ хамомъ и т. д. Когда же въ это время по поводу былъ составленъ протоколъ, Ржевскому заявили, что онъ является моимъ чиновни-комъ и имѣетъ важную миссію. Ну, хо-ропо. Протоколъ былъ составленъ. Какъ же вы думаете, кому онъ долженъ быть немедленно быть представлена, если дѣй-стительно Ржевскій мой чиновникъ и по-жалъ по москве порученію? Отѣтъ ясно:

А въ дѣйствительности протоколъ былъ

* Видный дѣлатель союза русского народа.